

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 4, pp. 580–600, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-580-600
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 902 / 903.2

Жертвенные комплексы в курганах бронзового века (по материалам могильников Ергенинской возвышенности)

Эрдни Анато́льевич Ке́ев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 научный сотрудник
 ORCID: 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена рассмотрению жертвенных комплексов из насыпей курганов эпохи бронзы Ергенинской возвышенности. Для культуры, представленной исследуемыми курганами, был характерен обряд приношения в жертву крупного рогатого скота, голова и ноги которого являлись символом целой туши жертвенного животного. Большая часть комплексов сопровождалась фрагментированной или целой глиняной курительницей. *Цель исследования* — проанализировать жертвенные комплексы, выявив их основные черты, необходимые для реконструкции обряда жертвоприношения крупного рогатого скота в раннем и среднем бронзовом веке. *Результаты.* Автором изучены материалы из семи курганных групп, расположенных на Ергенинской возвышенности. Установлено, что курганы с жертвенниками составляют 15 % от общего числа курганов (17 из 112). Выявлены основные характерные черты жертвенников. Комплексы разделены на две группы: для одной группы характерно содержание только костей крупного рогатого скота, для второй — сопровождение таких костей глиняными курительницами. Осуществлена попытка соотнести жертвенники с конкретными погребениями в кургане. Выявлено, что чаще всего жертвенные комплексы соотносятся с погребениями мужчин. Подробно рассмотрен вопрос наличия шкуры, помещавшейся в погребение, по мнению авторов раскопок, вместе с головой и конечностями животного. Косвенные признаки наличия шкуры выявлены только в двух жертвенниках. Проведено сопоставление основных итогов исследования жертвенных комплексов Ергенинской возвышенности с результатами изучения подобных комплексов в курганах Восточного Маныча. Автором приводятся этнографические и исторические свидетельства подобных жертвоприношений. Их возможными истоками являются комплексы как свидетельства почитания быка / коровы в качестве первопродка, покровителя живых существ, также связанного с культом плодородия.

Ключевые слова: жертвенный комплекс, жертвоприношение, жертвенное животное, Ергенинская возвышенность, Кумо-Манычская впадина, бронзовый век, катакомбная культура
Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Ке́ев Э. А. Жертвенные комплексы в курганах бронзового века (по материалам могильников Ергенинской возвышенности). *Oriental Studies*. 2019;(4): 580–600. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-580-600.

Sacrificial Complexes in Bronze Age Mounds: Archaeological Evidence from Burials of the Ergeni Upland

Erdni A. Kekeev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Research Associate

ORCID: 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

Abstract. Introduction. The article examines sacrificial complexes within Bronze Age mounds of the Ergeni Upland. The archaeological culture represented by the investigated mounds is characterized by cattle sacrifice where a cow's head and limbs symbolized a whole carcass of the sacrificial animal. A majority of the complexes contained fragmented or whole incense pots. *The goal of the research* is to analyze the sacrificial complexes and reveal key features of theirs essential for the reconstruction of Early and Middle Bronze Age cattle sacrifice rites. **Results.** The paper investigates materials from seven mound groups located in the Ergeni Upland. It concludes that mounds equipped with sacrificial altars constitute 15 % of the total number of mounds (17 of 112) and identifies somewhat basic features of such altars that tend to cluster in two groups: group one is characterized by the use of cattle bones only, and group two adds incense pots to such bones. The work attempts to attribute the presence of sacrificial altars to certain burial patterns within each mound. So, it reveals that sacrificial complexes are most frequently associated with burials of men. Special attention is paid to the presence of cattle skins placed into burials, according to participants of excavations, with animal heads and limbs. Indirect indicators of the presence of cattle skins were traced in two sacrificial altars only. The paper compares outcomes of the research of the Ergeni Upland's sacrificial complexes to studies of similar structures within East Manych mounds, draws ethnographic and historical evidence related to such sacrificial practices that might have stemmed from the worship of the ox / cow as the primal forefather / foremother, protector of sentient beings, also tied to the fertility cult.

Keywords: sacrificial complex, sacrifice, sacrificial animal, Ergeni Upland, Kuma-Manych Depressions, Bronze Age, Catacomb culture

Acknowledgements. The research was funded by government subsidy — project name 'Peoples of Southern Russia: Comprehensive Studies of Socio-Political and Cultural Development Processes' (state reg. no.: AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Kekeev E. A. Sacrificial Complexes in Bronze Age Mounds: Archaeological Evidence from Burials of the Ergeni Upland. *Oriental Studies*. 2019;(4): 580–600. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-580-600.

Введение

История изучения памятников бронзового века в степной полосе Восточной Европы насчитывает уже более ста лет. За этот период были открыты и исследованы как погребальные, так и поселенческие памятники, но больший объем работ традиционно приходится на анализ первой группы памятников, в основном это курганные могильники. На основе информации, полученной в процессе раскопок этих памятников, выделены основные культуры, их локальные ва-

рианты, сделаны реконструкции элементов духовной и материальной культуры [Андреева 2014; Державин 1991; Шилов 2009; Шишлина 2007; и др.].

Содержащиеся внутри кургана и на его периферии культовые комплексы (погребения, жертвенники, поминальники и др.) в современной археологической литературе принято делить на могильные и жертвенные. Однако это деление не всегда может быть однозначно соотнесено с действиями погребальными с одной стороны и жертво-

приносительными — с другой [Андреева 2014: 47].

В устоявшейся практике погребальные объекты ассоциируются с погребениями с костными человеческими останками (а в случае разрушения / разграбления — следами этих останков), а также с «кенотафами» — комплексами с погребальным инвентарем, но без следов человеческих останков. К жертвенным комплексам относят объекты, которые, по мнению современных исследователей, являются следами обряда поминания, совершенного вне пространства погребений.

При подробном рассмотрении группы жертвенных комплексов можно сделать вывод, что основной характеристикой является содержание костей животных, чаще всего определенных частей тела (череп, кости конечностей, кости части туши и т. д.), а также, примерно в половине случаев, сопровождение костных останков животных инвентарем, аналогичным погребальному. Некоторые комплексы в насыпи кургана, которые содержали только инвентарь, без костей животных, также были отнесены к жертвенникам, например Восточный Маныч–1965, левый берег, 1 группа, курган 48 [Синицын 1978: 50] или Восточный Маныч–1967, правый берег, 1 группа, курган 16 [Эрдниев 1982: 34–37].

Несмотря на большое количество работ, посвященных обрядовым традициям культур бронзового века, нет специальных исследований жертвенных комплексов с черепами и костями конечностей крупного рогатого скота (далее — КРС), традиционно относимых к катакомбной культуре.

Основная часть

Целью данного исследования является подробное изучение жертвенных комплексов из курганных могильников Ергенинской возвышенности, которые имели стандартный «набор»: череп и кости конечностей (иногда отмечается присутствие копыт) быка / коровы, часть жертвенников сопровождалась курильницей (целой или фрагментированной), далее в тексте именно эти объекты будут подразумеваться под термином «жертвенник» и «жертвенный комплекс». Обычно эти жертвенники интерпретируются как захоронения шкур с головой и ногами быка / коровы, символизирующих целую тушу животного, несмотря на то, что

число конечностей не всегда соответствует числу черепов, особенно в больших наборах [Андреева 2014: 53]. Ранее были подробно изучены подобные комплексы из могильников Восточного Маныча [Кекеев 2018]. В итоговой части данной работы сопоставлены основные черты реконструируемого обряда жертвоприношения и поминания двух этих соседних ландшафтно-географических зон. В дальнейшем планируется охватить Прикаспийскую низменность и подробно изучить выявленные на ее территории подобные комплексы.

В изучаемую выборку включены жертвенники из могильников *Лола 1 и 2*, *Архара*, *Элиста*, *Кермен Толга*, *Ергенинский*, *Кетченеры* [Дремов, Кольцов 2010; Синицын, Эрдниев 1963; Синицын, Эрдниев 1966; Синицын, Эрдниев 1971; Шилов 1981; Шилов 1982; Шилов 1984; Шилов 1985–1986; Эрдниев 1982].

В выборку жертвенников из могильников Ергенинской возвышенности вошел 21 комплекс, они были обнаружены в насыпи курганов выше или на уровне погребенной почвы, на краю погребений. Все эти комплексы содержали один или несколько «комплектов» — череп и кости КРС. Каждый отдельный «комплект» является образом отдельной особи.

В целом жертвенники с черепом и костями конечностей КРС относят к восточноманычской катакомбной культуре (далее — ВМКК), существовавшей в степях Юго-Восточной Европы во второй половине третьего тысячелетия до н. э. (рис. 1). Однако ряд комплексов заслуживает отдельного внимания, так как они не могут быть однозначно отнесены к ВМКК. Из 21 комплекса четыре можно отнести к позднему этапу ямной культуры или к раннему этапу катакомбной культуры. Два из них (*Лола 2*, курган 8, *Архара*, курган 10) имели в своем составе только КРС и датированы по погребениям, над которыми они находились. Жертвенный комплекс, выявленный на южном краю основного погребения кургана 16 (диаметр — 25 м, высота — 1,55 м) могильника *Лола 2*, отнесен к раннему этапу катакомбной культуры по тому, что в его составе обнаружен фрагмент глиняной курильницы, однако в самом погребении находились останки пожилого мужчины погребенного по ритуалу ямной культуры:

лежал на спине, головой на восток, ноги были согнуты коленями вверх, руки протянуты вдоль туловища, дно могилы и кости погребенного посыпаны красной охрой [Синицын, Эрдниев 1966: 128]. Еще один комплекс в соседнем кургане 17 (диаметр — 22 м, высота — 1,35 м) также находился на западном краю основного погребения. Основное погребение было полностью разрушено и отнесено к катакомбной культуре по наличию фрагмента глиняной курильницы в составе жертвенника [Синицын, Эрдниев 1966: 129]. Однако, исходя из того, что в этих двух соседних курганах примерно равных размеров жертвенники находились на западном краю основных погребений, можно предположить, что они относятся к позднему этапу ямной культуры или к раннему этапу катакомбной культуры. Остальные жертвенные комплексы более уверенно датированы катакомбной культурой и ее восточноманьчжунским вариантом.

Есть предположение, что данный вид поминальных комплексов представлял собой остатки «закладной» жертвы при возведении насыпи. Однако присутствие подобных комплексов в могильниках Ергенинской возвышенности отмечено только в 15 % курганов раннего и среднего бронзового века (в 17 из 112). Например, из 261 кургана бронзового века в группах Восточного Маныча только 14 (5,4 %) содержали жертвенные комплексы с черепами и костями конечностей КРС [Кекеев 2018: 26–45]. Эти цифры позволяют судить об обряде сооружения жертвенников не просто как об обычном действе, связанном с сооружением насыпи кургана или его досыпке. Жертвоприношение животного и сооружение отдельного жертвенника предстает перед нами как обряд, несущий гораздо более глубокий смысл, и, возможно, он был связан не только с самой насыпью и с погребенными внутри нее людьми, но и с образом предка или предка вообще.

Жертвенные комплексы были условно поделены на две группы, в первой содержались только костные останки КРС (8 комплексов), во второй — костные останки КРС и курильница (чаще ее частью или половиной) (13 комплексов). Общие сведения о рассматриваемых жертвенниках представлены в таблице 1, для удобства комплексы были пронумерованы, первая груп-

па — 1–1...1–8, вторая группа — 2–1...2–13 (табл. 1).

В первой группе, комплексы только с костями КРС, обнаружены останки 18 голов КРС (от одной до семи в одном комплексе — 2,25 особи / жертвенник), во второй группе (кости КРС + фрагментированная или целая курильница) содержались останки 43–44 голов КРС (от одной до десяти в одном комплексе — 3,3–3,4 особи / жертвенник). Общее количество голов КРС во всех комплексах — 61–62, т. е. около 2,9 особи / жертвенник.

Из 17 курганов нашей выборки только в двух (*Ергенинский*, курганы № 6 и 11) было по три жертвенника, в остальных — по одному. В каждом кургане, где обнаружено по три жертвенника, один относился к первой группе (только кости КРС) и два — ко второй (кости КРС и, в данных жертвенниках, целая курильница).

Прежде чем рассматривать размерные данные курганов, уточним, что в двух случаях насыпи подвергались неоднократной досыпке и достигали внушительных размеров, но на основе информации из научных отчетов о раскопках, не удалось установить на каком именно этапе были совершены жертвоприношения и сооружены жертвенные комплексы (табл. 2). Первый объект — это курган № 2 могильника *Элиста* (1964 г.): первоначальная насыпь была диаметром до 30 м и около 2 м в высоту, после двух досыпок она была увеличена до 50–60 м в диаметре и до 6 м в высоту. Второй объект — курган № 1 могильника *Кермен Толга*: зафиксированы лишь размеры окончательной насыпи — 130 м в диаметре и 9 м в высоту, промежуточных досыпок не упомянуто, хотя, судя по размерам кургана и количеству погребений (11), насыпь была сооружена в несколько этапов. Характеризуя комплексы из этих двух курганов, скажем, что в обоих случаях обнаружено по одному жертвеннику первой группы (ЖК 1–3 и ЖК 1–8 (здесь и далее ЖК — жертвенный комплекс, нумерация дана в соответствии с табл. 1). Эти два случая не берутся в расчет, так как далее проведен анализ размерных данных кургана в привязке к конкретным жертвенникам.

Ранее были подробно рассмотрены курганные насыпи могильников Восточного Маныча, на основе размерных данных

326 курганов различных эпох, они были разделены на 4 группы: малые (диаметр насыпи менее 15 м, высотой до 1 м), средние (диаметром от 15 до 30 м и высотой от 0,75 до 3 м), большие (диаметром от 30 до 45 м и высотой от 1,5 до 3,5 м) и сверхбольшие (диаметром более 45 м и высотой более 2 м) [Кекеев, Буратаев 2016: 244].

В соответствии с этой градацией из 15 курганов из нашей выборки (табл. 2) ни один не вошел в группу малых, к средним по размеру насыпи относятся восемь курганов, к большим — четыре и к сверхбольшим — три. Только в двух курганах последней группы было обнаружено по три жертвенника.

Анализируя группу курганов средних размеров, рассмотрим количественные и качественные показатели жертвенных комплексов, содержащихся в них. Напомним, что среднее количество особей на комплекс равно 2,9. Восемь курганов содержали по одному жертвенному комплексу, общее количество скота равняется 13, т. е. в среднем около 1,6 особи / жертвенник (почти в два раза ниже среднего). 7 из 8 комплексов относилось ко второй группе, в них, кроме костей КРС, содержались курильницы: в одном случае найдено целое изделие, в двух — половина, в остальных — по одному фрагменту курильницы (рис. 2, рис. 3).

К большим по размерам насыпям курганам отнесено 4 памятника, в которых обнаружено четыре жертвенных комплекса, в которых содержались останки 11 голов КРС, т. е. 2,75 особи / комплекс. При исследовании двух жертвенников отмечены фрагменты курильницы (в одном случае указана половина изделия).

Три кургана, отнесенных к сверхбольшим, естественно, выделялись своими размерами (табл. 2): курган № 8 из могильника *Элиста* (1964 г.) (ЖК 1–4) и курганы №№ 6 и 11 могильника *Ергенинский* (ЖК 1–5, 2–9, 2–10 и ЖК 1–6, 2–11, 2–12). Диаметр этих курганов — от 40 до 83 м и высота — от 3,5 до 6,5 м. Суммарно в этих семи жертвенниках содержались останки не менее 34 особей, т. е. более 4,8 голов КРС в одном жертвеннике. Как было отмечено выше, только в сверхбольших курганах Ергенинского могильника содержалось по три жертвенника, и в обоих курганах четыре комплекса относилось ко второй группе, причем в них обнаружено по одной целой курильнице.

В одном из случаев, в кургане № 8 могильника *Элиста* (1964 г.), жертвенник (черепа и кости конечностей семи особей КРС) (ЖК 1–4) соотнесен с погребением № 7 (кенотаф), вместе с сооружением которого была совершена досыпка кургана, за счет нее размеры насыпи значительно увеличились: в диаметре — с 40–50 до 60–70 м, в высоту — с 3,5 до 6,5 м. Это единственный случай в нашей выборке, когда жертвенник соотнесен с прослеженной досыпкой.

В итоге выявляется зависимость «богатства» жертвенника (количество особей КРС в одном комплексе) от размера насыпи кургана, при средних размерах (диаметр — 20–36 м, высота — 0,6–3,5 м) на один жертвенник приходится 1,6 особи, у больших это значение равно 2,75 особи, у сверхбольших — более 4,8 особей (рис. 4).

Есть закономерность встречаемости целой курильницы в жертвенниках в сверхбольших курганах, но, как будет рассмотрено ниже, есть определенное сомнение в точности степени сохранности изделия, указываемой в отчетах о раскопках. В целом глиняные курильницы встречаются как в жертвенниках, содержащих кости одной особи КРС, так и в «богатых» комплексах с останками не менее 10 голов КРС в одном жертвеннике (табл. 3).

Хотя изучаемые жертвенники не всегда удавалось отнести к конкретному погребению в кургане, в данном исследовании попробуем это сделать. Как было сказано выше, допускаем существующую вероятность того, что сооружение жертвенника в насыпи кургана не связано с определенным погребенным, а предназначалось образу предков или первопредка вообще.

В таблице 5 все жертвенные комплексы представлены в соответствии с привязкой, указанной в отчете о раскопках. В первой (9 жертвенников), наиболее точной группе привязки, приведены комплексы, при описании которых указано их расположение, — «над погребением», «на перекрытии погребения», «на краю» и «рядом с погребением на уровне погребенной почвы». Практически такими же по значимости были комплексы (4 жертвенника), кроме которых в кургане найдено только одно погребение: если жертвенник и был посвящен погребенному, то только единственному в кургане. Менее точным при привязке является опи-

сание «по-видимому...» и «судя по всему...» — 5 жертвенников. У 3-х жертвенников привязка не указана.

На основе данных, представленных в таблице 5, констатируем факт того, что большая часть жертвенников (13 из 21, или 62 %), с разной степенью вероятности, отнесена к погребениям взрослых людей, из них 1 — парное, мужское и женское погребение, 5 — индивидуальное, мужское (в трех случаях возраст мужчины указан как пожилой), 4 — индивидуальное, женское (три жертвенника относятся к одному, единственному погребению в кургане № 11 Ергенинского могильника). Только один жертвенник из 21 находился над парным погребением женщины и ребенка (ЖК 2–6). Три жертвенника отнесены к кенотафам, у трех — привязка не указана (табл. 5).

Различия по количеству голов скота в одном жертвеннике по половозрастным группам почти не прослеживается. В 13 комплексах, отнесенных к погребениям взрослых людей, содержались останки 40–41 головы КРС (около 3,1 особи / жертвенник), из них жертвенник, находившийся над парным мужским и женским погребением, содержал 3 особи КРС, 5 комплексов, соотношенных с мужскими индивидуальными погребениями, — 16 голов КРС (5,2 особи / жертвенник), с женскими индивидуальными погребениями — 14 голов КРС в 4-х жертвенниках (3,5 особи / жертвенник). Один жертвенник, находившийся над парным женским и детским погребением, содержал останки 5 голов КРС, а в 3-х жертвенниках, отнесенных к кенотафам, обнаружены черепа и кости конечностей 9 голов КРС (3 особи / жертвенник).

Прослеживается преобладание количества среднего числа голов КРС в жертвенниках, соотношенных с мужскими, индивидуальными погребениями, — 5,2 особи / жертвенник. Причем, в данном случае, соотношение было сделано на основе того, что эти жертвенники располагались на перекрытии или на краю погребений, и является более точным, в сравнении с привязкой других жертвенников.

Далее рассмотрим отличия внутри второй группы из 13 жертвенников, комплексов, содержавших, кроме костей КРС, и курильницу: в 7 случаях обнаружены фрагменты («обломок», «большой обломок»,

«половина») курильницы, в 6 — целое изделие. Выше было указано, что в 13 комплексах этой группы содержались останки 43–44 голов КРС (от одной до десяти в одном комплексе — 3,3–3,4 особи / жертвенник). В комплексы, содержавшие целую или большую часть курильницы, входило от 2 до 10 голов КРС. Всего этих комплексов — 6, в их состав входило 29–30 голов скота, т. е. 4,8–5 особи / жертвенник. Возможно, помещение целой или большей части курильницы с количеством голов жертвенного скота является показателем статуса отдельного жертвенника, но нужно иметь в виду плохую сохранность глиняных изделий в подобных комплексах, из-за чего эти курильницы редко подвергались дальнейшей реставрации. И, как показывает описание курильницы из ЖК кургана 1 группы *Кетченеры I* (2007 г.) [Дремов, Кольцов 2010], фрагментированная курильница изначально, скорее всего, была целой и разбита в процессе или после ритуала сооружения жертвенника. Данное обстоятельство допускает, что в отчетах 1960-х гг. под «половиной», «обломком» или «большим обломком» могла быть обозначена изначально целая, впоследствии фрагментированная, в дальнейшем не восстановленная курильница (рис. 3).

Керамические лепные курильницы — чаши на крестообразных ножках-поддонах нередко встречаются в составе погребального инвентаря. Так, по данным М. В. Андреевой, они встречены в 25,5 % индивидуальных погребений (124 комплекса) восточноманьчжурской катакомбной культуры. В некоторых погребениях встречается аналогичный по назначению предмет — жаровня — фрагменты крупных толстостенных глиняных лепных сосудов со следами нагара. Эти два предмета никогда не встречаются вместе в одном комплексе [Андреева 2014: 28–29].

Логично, что жаровня, при условии ее равнозначности курильнице в погребальной традиции, должна присутствовать и в обряде жертвоприношения как предмет, возможно, предшествующий курильнице. Ведь жаровня была более простым в изготовлении предметом, «сделана» из части разбитого глиняного сосуда, а курильница — предварительно изготовленное, обожженное и часто богато орнаментированное, сравни-

тельно сложное изделие. Однако в 21 жертвеннике из нашей выборки, а также в 18 подобных жертвенниках Восточного Маныча [Кекеев 2018], не встречены случаев замены курильницы жаровней. Этот факт позволяет предположить — изучаемые жертвенные комплексы имели строгий регламент относительно содержания инвентаря, в них могла содержаться только одна курильница (целая или фрагментированная) (рис. 2, рис. 3) и замена ее жаровней не допускалась обрядовыми традициями. Отсутствие жаровен в составе жертвенных комплексов также может свидетельствовать о том, что если их равнозначность в погребальном обряде и была таковой, в ритуалах поминания они не были тождественными предметами, и, скорее всего, присутствие в погребальном инвентаре жаровни или курильницы не может быть маркером ранних и поздних относительно друг друга комплексов.

В устоявшейся практике при характеристике объекта как «жертвенника» бронзового века, имеют в виду комплексы, содержавшие череп и кости конечностей КРС как символа жертвенного животного, и традиционно его ассоциируют с присутствующей в составе этого жертвенника шкуры самого животного. Однако этот вопрос требует более внимательного рассмотрения. Перед проведением подробного анализа описания жертвенников отметим еще раз факт плохой сохранности костей и находок в этих комплексах, а порой — и их лаконичного описания.

Большая часть рассматриваемых жертвенников реконструируется авторами раскопок как череп и кости конечностей, помещенные вместе со шкурой или в шкуре животного. Например, в описании жертвенника в кургане 13 могильника *Лола 2* (ЖК 2–2) приведено следующее: «судя по расположению костей в их анатомическом порядке, можно предполагать, что каждый череп и ноги животного были положены вместе со шкурой» [Синицын, Эрдниев 1966: 123], а при описании ЖК 2–6 (Архаринский могильник, курган 31) сказано: «расположение костей показывает, что черепа и ноги, по-видимому, были положены в шкуре» [Синицын, Эрдниев 1966: 100].

Встречаются случаи, когда слово «шкура» применяется как синоним комплекса, содержащего череп и кости конечностей

животного, например: «южнее была положена шкура крупного быка: череп и кости ног, отрезанные в коленных сочленениях, лежавшие в анатомическом порядке» [Шилов 1982: 7], или «реже встречаются «шкура» (черепа и длинные кости ног) животных» [Ковалевский 2004: 126].

Есть несколько путей поиска доказательства присутствия шкуры в составе жертвенного комплекса: факт наличия останков самой шкуры, факт наличия места, где она располагалась, факт наличия хвостовых позвонков.

Наличие следов шкуры в каком-либо виде отмечено лишь при описании одного жертвенника (ЖК 2–11, *Ергенинский*, курган 11, тризна № 1): в описании указаны находки шерстинок на лицевых костях черепов, что, по мнению В. П. Шилова, подтверждало тот факт, что между черепами были положены черепа со шкурой животных [Шилов 1985–1986: 3]. Однако это могли быть и остатки шерсти с самих черепов, которых в данном жертвеннике насчитывалось семь штук.

К сожалению, имеющиеся данные не дают возможности реконструировать размеры самих жертвенных ям, и невозможно сказать, позволяло ли их внутреннее пространство поместить, кроме голов и конечностей животного, еще и его шкуру, в свежем, необработанном виде занимающей немалый объем.

Третьим и наиболее убедительным доказательством наличия шкуры являлось бы наличие хвостовых позвонков. К сожалению, о практике забоя скота можно судить только по известным нам данным современных скотоводов, когда шкура с хвостовой части снимается до 2/3 от его длины, а оставшаяся треть (наименее мясная часть) отрезается и оставляется со шкурой. А так как хвост коровы состоит из 15–16 позвонков и его длина сильно не изменилась (например, изображения КРС, происходящие из археологических памятников Ближнего Востока), можно предположить, что со шкурой остается около 5 хвостовых позвонков. Принимая во внимание современную практику забоя и свежевания КРС, констатируем факт того, что безусловным показателем присутствия самой шкуры животного в составе жертвенника могло являться наличие этих самых пяти хво-

стовых позвонков, сохраняющихся в виде костяных шильев. Однако только в одном жертвеннике были отмечены шиловидные кости — ЖК 1–7 (*Ергенинский*, курган 12), возможно, являющиеся остатками хвоста животного и показателем наличия шкуры [Шилов 1985–1986: 9]. Еще одним объяснением отсутствия хвостовых позвонков может быть ритуал, при котором шкура снималась полностью, а хвост оставался частью туши предназначенной для тризны.

Подводя итог поиску косвенных фактов наличия шкуры, нужно сказать, что на основе информации о 21 рассматриваемом комплексе, констатировать факт ее присутствия возможно лишь в двух случаях. Была ли шкура в остальных 19 жертвенниках, установить не удалось.

Возможно, данный ритуал не предполагал помещение в жертвенник головы и конечностей КРС обязательно вместе со шкурой. Есть свидетельства того, что шкуре животного в погребально-поминальном обряде отводится особый ритуал. Например, в составе церемонии похорон у древних индийцев приносилась в жертву корова, называемая *анустарани* или *раджагави* ('царственная корова'), а на пятнадцатый день после похорон совершалась церемония «шантикарма» («умиротворяющие обряды для благополучия в жизни»), в процессе которой кровные родственники собирались и зажигался огонь, затем им предлагали сесть на рыжую бычью шкуру, разложенную на земле шеей на восток и шерстью вверх. Родственников просили следующим образом: «Взойдите на эту шкуру, дающую жизнь, поскольку вы хотите дожить до глубокой старости, согласно старшинству вступайте на нее...» [Пандей 1990: 207–208]. И, как отмечает Р. Б. Пандей в своем исследовании, ни в какой другой области индуизма первобытные верования относительно жизни и смерти не удерживаются так упорно, как в наивных похоронных обрядах [Пандей 1990: 218].

Подводя итог исследованию жертвенных комплексов Ергенинской возвышенности, кратко остановимся на основных выявленных характеристиках этих объектов и сравним полученные данные с результатами изучения 16 аналогичных комплексов из могильников Восточного Маныча (рис. 4, рис. 5).

Рассматриваемая выборка из 21 жертвенника из курганов Ергенинской возвышенности, как сказано выше, происходило из 17 курганов, которые в свою очередь выявлены из 112 курганов бронзового века, т. е. жертвенные комплексы выявлены в 15 % курганов. В Кумо-Манычской впадине только в 14 (5,4 %) из 261 кургана бронзового века выявлены подобные комплексы. Отметим, что в долине р. Восточный Маныч курганы с подобными жертвенниками встречаются в три раза реже.

Среднее количество жертвенников на курган на Ергенинской возвышенности равно 1,2, однако только в двух курганах сохранилось более двух комплексов — по три объекта в сверхбольших курганах №№ 6 и 11 Ергенинского могильника, т. е. в остальных 15 курганах было по одному жертвеннику. В Кумо-Манычской впадине этот показатель равен 1,3 жертвеннику / курган, однако, если также оставить сверхбольшие курганы (более 45 м в диаметре и более 2 м в высоту) за рамками расчетов, то среднее количество будет равно 1,2 (7 жертвенников в 6 курганах) (табл. 4). Отметим примерное равное среднее количество жертвенников на один курган в обеих ландшафтно-географических зонах.

Следующим показателем рассмотрим среднее количество голов КРС в одном жертвеннике в соответствии с размерами курганов (табл. 3 и 4). Для Ергенинской возвышенности это значение — 2,9 (остатки более 61 головы КРС в 21 жертвеннике), в Кумо-Манычской впадине — 2,1 (35 голов КРС в 16 жертвенниках). Однако если убрать из расчетов жертвенники из сверхбольших курганов, то это количество в обеих зонах будет одинаковым и равняется двум особям на жертвенник.

К первой группе (только кости КРС) из комплексов Ергенинской возвышенности отнесены 8 объектов, ко второй (кости КРС и курильница) — 13, в Кумо-Манычской впадине — наоборот, больше жертвенников не имело курильниц в своем составе: 10 из 16, в 5 найдено по одной целой курильнице, в одном случае — ее половина. Отметим, что жертвенные комплексы с целой курильницей в жертвенниках Ергенинской возвышенности происходят из курганов сверхбольших размеров, тогда как в Кумо-Ма-

нычской впадине — из курганов всех трех размерных групп.

Рассмотрим различия комплексов с курильницами (вторая группа) и без них (первая группа): выше было отмечено, что при среднем количестве особей КРС в одном жертвеннике, равное более 3, в комплексах первой группы этот показатель ниже — 2,25, а в комплексах с курильницами — выше, 3,3–3,4. В памятниках Кумо-Манычской впадины подобной диспропорции не прослежено: в комплексах с курильницами и без них это значение равно 2,3 и 2,1 особи / жертвенник соответственно.

Внутри второй группы жертвенников Ергенинской возвышенности выявлено преобладание средней плотности голов КРС в одном комплексе в жертвенниках с целыми курильницами (4,8–5), в жертвенных комплексах с фрагментированными остатками курильниц этот показатель ниже — 2 особи / жертвенник. Среди жертвенников Кумо-Манычской впадины подобных отличий нет, так как 5 из 6 комплексов содержали целые курильницы, в одном случае обнаружена ее половина и указанная выше диспропорция отсутствует. Возможно, это является подтверждением того, что изначально, при сооружении жертвенника, курильница могла быть целой, а до наших дней сохранилась лишь в виде одного или нескольких фрагментов. И как было отмечено выше: не встречено случая замены курильницы жаровней, что встречается в погребальном обряде. Это еще раз указывает нам на строгий регламент при проведении ритуала жертвоприношения.

В результате изучения месторасположения жертвенников в насыпях курганов выявлена следующая особенность: большинство жертвенных комплексов расположено в центре кургана или же в восточном и южном секторах. Несомненно, в этом отражаются представления о востоке и юге как хороших сторонах света (точки восхода и зенита солнца). Аналогичное понимание западной стороны (точка заката солнца) как неблагоприятной прослеживается на материалах скифских царских курганов [Ochir-Goryaeva 2015].

По причине нехватки необходимого объема информации о жертвенниках Кумо-Манычской впадины, соотнесение жерт-

венных комплексов и конкретных погребений внутри кургана не было произведено. К сожалению, сопоставление результатов привязки жертвенников к половозрастным группам погребенных в могильниках Ергенинской возвышенности и Кумо-Манычской впадины не представляется возможным. Отметим лишь, что из 21 жертвенника Ергенинской возвышенности 13, с разной степенью надежности, соотнесены с погребениями взрослых людей. Распределение по половозрастным группам не прослеживается, но выделяется среднее количество голов КРС в одном жертвеннике у индивидуальных мужских погребений (5,2 особей / жертвенник).

Из 21 комплекса Ергенинской возвышенности 17 отнесено к восточноманычской катакомбной культуре, четыре не могут быть датированы однозначно и, судя по всему, относились к позднему этапу ямной культуры или к раннему этапу катакомбной культуры. Среди жертвенников Кумо-Манычской впадины нет такого точного соотнесения жертвенников и погребений, однако все 16 комплексов уверенно датированы авторами раскопок как относящиеся к разным этапам катакомбной культуры.

В результате сравнения жертвенных комплексов из курганов Кумо-Манычской впадины и Ергенинской возвышенности, делаем вывод о почти полной схожести обряда жертвоприношения крупного рогатого скота одинаковым количественным показателям. Наличие жертвенника в насыпи кургана, безусловно, говорит нам о неординарности данного памятника, но при сравнении выделенных групп жертвенных комплексов выявляются некоторые закономерности.

Сверхбольшие по размеру насыпи курганов сами по себе являются показателями высокого статуса, и при изучении группы жертвенников из этих курганов были выявлены их отличия от комплексов из меньших по размеру курганов. Только в сверхбольших курганах обнаружено по три жертвенника, два комплекса содержалось только в одном кургане крупного размера в Кумо-Манычской впадине, в остальных курганах их было по одному. Также из сверхбольших курганов происходят наиболее «богатые» жертвенники — 4–10 голов КРС в одном комплексе (рис. 4, рис. 5).

Сравнение групп с курильницами и без них дало следующие результаты: жертвенники из обеих групп не отличаются по среднему количеству особей КРС в одном жертвеннике и встречаются в курганах всех размерных групп. Прослежена зависимость встречаемости целой курильницы в более «богатых» жертвенниках, однако это можно объяснить тем, что размеры насыпи и глубина залегания этих комплексов были больше, вследствие чего глиняные изделия сохранились лучше, нежели подобные предметы из курганов меньших размеров.

Далее рассмотрим вопрос о возможной реконструкции обряда жертвоприношения в бронзовом веке на основе содержащихся в них останках и предметах. Имеющиеся в нашем распоряжении этнографические данные говорят о сложном ритуальном действе, сопровождавшем жертвоприношение животного, в нашем случае — одной или нескольких голов КРС. Реконструируемый ритуал мог выглядеть так: во время похорон или поминок, т. е. в составе погребального ритуала или в процессе поминальных действий (в момент погребения или спустя какой-то определенный отрезок времени) было совершено жертвоприношение животного или животных. Судя по всему, подобные ритуалы сопровождались собранием большого количества людей, близких и дальних родственников погребаемого или погребенного. В процессе погребально-поминальных действий мясо жертвенного животного было употреблено в пищу собравшимися людьми. По этнографическим данным, распределение частей туши никогда не было случайным, определенная часть тела жертвенного животного должна была быть передана человеку определенного статуса и никому другому, причем мясо жертвенного животного необходимо было съесть именно на месте ритуала и во время его проведения. По завершении тризны костные останки были ритуально разбросаны или сложены на поверхности, без сооружения отдельного комплекса, хотя иногда при раскопках курганов отмечаются находки отдельных костей животных, которые, возможно, являются следами подобных поминальных тризн. В завершающей стадии ритуала голова и кости четырех конечностей КРС (возможно, вместе со шкурой) были уложены в соответствующее место в насыпи и захоронены.

Факт того, что в жертвенник помещались только определенные, наименее мясные, части животного, а не туша целиком, говорит нам скорее о сложном ритуале, нежели о цели экономии мяса как продукта домашнего хозяйства. Хотя этот момент присутствует, но, как и многие элементы в образе жизни древнего населения, он является стратегически выверенной частью сложившегося обряда. Возможно, на основе подобных жертвоприносительных ритуалов (жертвование наименее мясной части животного) сложился древнегреческий миф о том, как Прометей обманом установил ритуал жертвования богам лишь части туши животного [Мифы 1992: 338].

По многочисленным исследованиям именно образ быка в сакральных представлениях многих народов мира соотносится с образом оплодотворяющей силы самой природы в целом. Так и образ быка / коровы в жертвоприношениях культур бронзового века является главным; животное как образ прародителя (быка) или прародительницы (коровы) само по своей тотемической функции, как зооморфный первопредок, должен был способствовать продолжению рода человеческого и плодovitости скота [Илимбетова, Илимбетов 2012: 479–480].

Вывод

Выявленные в данном исследовании особенности жертвенных комплексов бронзового века из курганов Ергенинской возвышенности и Кумо-Манычской впадины позволяют реконструировать обряд жертвоприношения, его важной роли в сакральной сфере представителей данных культур, где крупный рогатый скот выступал в образе первопредка, покровителя живых существ и был связан с культом плодородия.

Почитание крупного рогатого скота в древности могло возникнуть только при условии его важной роли в домашнем хозяйстве того периода истории. Именно крупный рогатый скот тесно связывается с раннеземледельческими культурами. В дальнейшем почитание образа быка / коровы распространилось по территории Европы, Азии и Африки, и, возможно, существовавшие и существующие ритуалы почитания крупного рогатого скота имеют единый историко-культурный корень.

Источники

- Шилов 1981 — *Шилов В. П.* Исследование Волго-Донской археологической экспедиции 1981 г. // Научный архив Института археологии РАН. Р-1. № 10968. 166 с.
- Шилов 1982 — *Шилов В. П.* Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции в 1982 г. // Научный архив Института археологии РАН. Р-1. № 9516. 25 с.
- Шилов 1984 — *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1984 г. // Научный архив Института археологии РАН. Р-1. № 11785. 17 с.
- Шилов 1985–1986 — *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Волго-Донской экспедиции в 1985–86 гг. // Научный архив Института археологии РАН. Р-1. № 11793. 18 с.

Sources

- Shilov V. P. [The Volga-Don Archaeological Expedition: a Report of the 1985–1986 Excavations]. In: Scientific Archive, Institute of Archaeology of the RAS. Fond P-1. No. 11793. 18 p. (In Russ.)
- Shilov V. P. [The Volga-Don Archaeological Expedition: a Report of the 1981 Study]. In: Scientific Archive, Institute of Archaeology of the RAS. Fond P-1. No. 10968. 166 p. (In Russ.)
- Shilov V. P. [The Volga-Don Archaeological Expedition: a Report of the 1982 Survey]. In: Scientific Archive, Institute of Archaeology of the RAS. Fond P-1. No. 9516. 25 p. (In Russ.)
- Shilov V. P. [The Volga-Don Archaeological Expedition (Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences): a Report of the 1984 Excavations]. In: Scientific Archive, Institute of Archaeology of the RAS. Fond P-1. No. 11785. 17 p. (In Russ.)

Литература

- Андреева 2014 — *Андреева М. В.* Восточно-манычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: ТАУС, 2014. 272 с.
- Державин 1991 — *Державин В. Л.* Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.: ИА АН СССР, 1991. 186 с., илл.
- Дремов, Кольцов 2010 — *Дремов И. И., Кольцов П. М.* Раскопки курганов у с. Кетченеры в Республике Калмыкия // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2010. № 2. С. 40–59.
- Илимбетова, Илимбетов 2012 — *Илимбетова А. Ф., Илимбетов Ф. Ф.* Культ животных в

- мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: АН РБ, 2012. 704 с.
- Кекеев 2018 — *Кекеев Э. А.* Жертвенные комплексы эпохи бронзы из насыпей курганов (по материалам курганных групп «Восточный Маныч») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 4 (8). С. 26–45.
- Кекеев, Буратаев 2016 — *Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г.* Свод археологических памятников Кумо-Манычской впадины (1965–1967 гг.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 352 с.
- Ковалевский 2004 — *Ковалевский С. А.* Ритуально-жертвенные комплексы с черепами животных в эпоху поздней бронзы у населения ирменской культуры // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 5 (42). С. 126–130.
- Мифы 1992 — Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. 719 с. с илл.
- Пандей 1990 — *Пандей Р. Б.* Древнеиндийские домашние обряды (обычай) / пер. с англ., А. А. Вигасина. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1990. 319 с.
- Синицын 1978 — *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. В 2-х ч. Саратов: изд-во Саратов. гос. ун-та, 1978. Ч. 1. 130 с.; Ч. 2. 117 с.
- Синицын, Эрдниев 1963 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году. Труды Республиканского краеведческого музея. № 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1963. 60 с.
- Синицын, Эрдниев 1966 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.). Труды КНИИЯ-ЛИ, КРКМ № 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 186 с.
- Синицын, Эрдниев 1971 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский курганный могильник. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 139 с.
- Шилов 2009 — *Шилов В. П.* Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста: Герел, 2009. 303 с.
- Шишлина 2007 — *Шишлина Н. И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). Труды ГИМ. Выпуск 165. М.: ГИМ, 2007. 400 с.
- Эрдниев 1982 — *Эрдниев У. Э.* Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 153 с.
- Ochir-Goryaeva 2015 — *Ochir-Goryaeva M.* The Scythian tombs: Construction and geographical orientation // European Journal of Archaeology. 2015. № 18 (3). Pp. 477–496.

References

- [Myths of the World: an Encyclopedia]. In 2 vols. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1992. Vol. 2. 719 p. (In Russ.)
- Andreeva M. V. [The East Manych Catacomb Culture: Analysis of Materials from Sepulchral Monuments]. Moscow: TAUS, 2014. 272 p. (In Russ.)
- Derzhavin V. L. [Stavropol Steppes in the Early and Middle Bronze Ages]. Moscow: Inst. of Archaeology (USSR Acad. of Sc.), 1991. 186 p. (In Russ.)
- Dremov I. I., Koltsov P. M. Excavating mounds near Ketchenery (Republic of Kalmykia). *Vestnik Prikaspiya: arkhеologiya, istoriya, etnologiya*. 2010. No. 2. Pp. 40–59. (In Russ.)
- Erdniev U. E. [Archaeological Monuments of the Southern Ergeni]. Elista: Kalm. Book Publ., 1982. 153 p.
- Ilimbetova A. F., Ilimbetov F. F. [The Cult of Animals in the Mythical and Ritualistic Tradition of the Bashkirs]. 2nd ed., rev. and suppl. Ufa: Bashkortostan Acad. of Sc., 2012. 704 p. (In Russ.)
- Kekeev E. A. Bronze Age sacrificial complexes from the East Manych mound group. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2018. No. 4 (8). Pp. 26–45. (In Russ.)
- Kekeev E. A., Burataev E. G. [The Kuma-Manych Depression: Collected Descriptions of (Investigated) Archaeological Monuments, 1965–1967]. Elista: Kalm. Sc. Center of RAS, 2016. 352 p. (In Russ.)
- Kovalevsky S. A. Late Bronze Age populations of Irmen culture: ritualistic sacrificial complexes containing animal skulls. *Vestnik of Kuzbass State Technical University*. 2004. No. 5 (42). Pp. 126–130. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. The Scythian tombs: Construction and geographical orientation // *European Journal of Archaeology*. 2015. № 18 (3). Pp. 477–496.
- Pandey R. B. [Hindu Samskāras: a Socio-Religious Study of the Hindu Sacraments]. A. A. Vigasin (transl.). 2nd ed. Moscow: Vysshaya Shkola, 1990. 319 p. (In Russ.)
- Shilov V. P. [Ancient Livestock Breeders of the Kalmyk Steppe]. Elista: Gerel, 2009. 303 p. (In Russ.)
- Shishlina N. I. [The Northwest Caspian in the Bronze Age: 5th to 3rd Mill. BC]. *Trudy GIM*. Is. 165. Moscow: State Historical Museum, 2007. 400 p. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V. [Ancient Monuments of the East Manych]. In 2 vols. Saratov: Saratov State Univ., 1978. Vol. 1. 130 p.; vol. 2. 117 p. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. [The Mound Burial Site of Elista]. Elista: Kalm. Book Publ., 1971. 139 p. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. Archeological excavations in the Kalmyk ASSR: 1961. *Trudy Respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya*. No. 1. Elista: Kalm. Book Publ., 1963. 60 p. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. The newly explored archeological monuments of Kalmykia (excavations of 1962–1963). In: [Transactions of Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, and Kalmyk Republican Museum of Local History: No. 2]. Elista: Kalm. Book Publ., 1966. 186 p. (In Russ.)

Таблица XIV. фото гробницы 2, 1985 г.

Рис. 1. Ергенинский-1985. Курган 11. Тризна 2. Фото [Шилов 1985–1986: табл. 14]
[Fig. 1. Yergeninsky-1985. Mound 11. Trizna 2. Photo [Shilov 1985–1986: table 14]

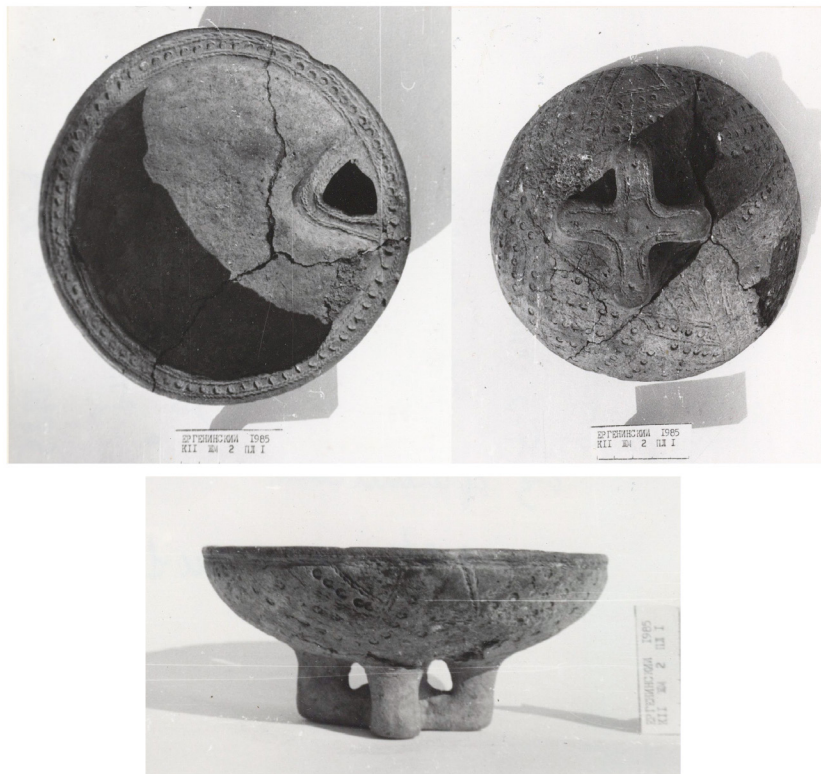

Рис. 2. Глиняная курильница. Ергенинский-1985. Кург. 11. Тр. 2. Фото [Шилов 1985–1986: табл. 15–16] [Fig. 2. Clay incense burner. Yergeninsky-1985. Mound 11. Trizna 2. Photo [Shilov 1985–1986: tables 15–16]

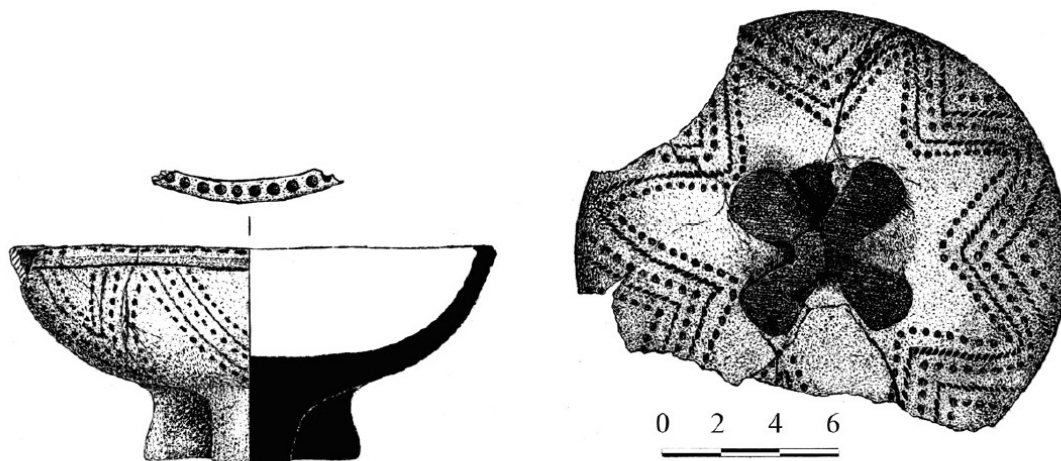

Рис. 3. Глиняная курильница. Кетченеры-1, 2007. Кург. 1. Фото [Дремов, Кольцов 2010: рис. 4] [Fig. 3. Clay incense burner. Ketchenery-1, 2007. Mound 1. Photo [Dremov, Koltsov 2010: fig. 4]

Рис. 4. Жертвенные комплексы Ергенинской возвышенности (единым прямоугольником выделены ЖК из одного кургана, число в квадрате или в круге — количество особей КРС, квадрат — комплекс только с костями, круг — комплекс с фрагментом курительницы, двойной круг — с половиной курительницы, тройной круг — с целой курительницей) [Fig. 4. Sacrificial complexes of the Ergeni Upland (a single rectangle denotes sacrificial complexes from one mound, figure in a square or circle — number of cattle, square — a complex containing bones only, circle — a complex with a fragmented incense burner, double circle — one with half an incense burner, triple circle — one with a whole incense burner)]

Рис. 5. Жертвенные комплексы Кумо-Манычской впадины (единым прямоугольником выделены ЖК из одного кургана, число в квадрате или в круге — количество особей КРС, квадрат — комплекс только с костями, круг — комплекс с фрагментом курительницы, двойной круг — с половиной курительницы, тройной круг — с целой курительницей) [Fig. 5. Sacrificial complexes of the Kuma-Manych Depression (a single rectangle denotes sacrificial complexes from one mound, figure in a square or circle — number of cattle, square — a complex containing bones only, circle — a complex with a fragmented incense burner, double circle — one with half an incense burner, triple circle — one with a whole incense burner)]

Таблица 1. Жертвенные комплексы в насыпях курганов могильников Ергенинской возвышенности (в кавычках приводятся цитаты из отчетов о раскопках)
 [[Table 1. Sacrificial complexes from burial mounds of the Ergeni Upland (citations from excavation reports put in quotation marks)]]

№	Группа, курган, размеры насыпи, м (диаметр/высота)	Содержимое ЖК (жертвенного комплекса)		Привязка ЖК к погребению и его КХП (в кавычках приводятся цитаты авторов раскопок)	Месторасположение ЖК в насыпи	КХП погребений в кургане
		Костные останки животных (1 особь = 1 череп и кости 4-х ног)	Глиняные изделия			
Первая группа. Жертвенники только с костями животных						
1-1 (2)	Лола-2-1963, курган 8 (50/5, первоначальная насыпь — 35/3)	3 КРС		находилось над осн. погр. 8 (парное погребение — муж. и жен.) («ран. эт. кат. к-ры»)	в центре насыпи	осн. погр. 8 и вп. погр. 6 и 7 (досыпка) — «ран. эт. кат. к-ры», погр. 1, 2, 4, 5 — кат. к-ра, погр. 3 — половецкое погр.
1-2 (7)	Архара-1962, курган 10 (36/2,5)	1 КРС		был устроен на перекрытии осн. погр. 8 (муж. пог.) («ран. эт. кат. к-ры»), впоследствии провалившимся в погребение	в центре насыпи, в центральном погр.	осн. погр. 8 («ран. эт. кат. к-ры»), погр. 2, 5-7 — кат. к-ра, погр. 1, 3, 4 — РЖВ
1-3 (10)	Элиста-1964, курган 2 (50-60/до 6, первая насыпь — до 30/ок. 2, вторая насыпь — 40-50/4-4,5)	2 КРС		привязка к погребению не указана	в юго-восточном секторе, на расстоянии 9 м от центра, на глубине 0,75 м от поверхности	осн. погр. 6 (ямн. к-ра) — первая насыпь (до 30/ок. 2), погр. 7 (ран. эт. кат. к-ры) — вторая насыпь (40-50/4-4,5), погр. 8 (кат. к-ра) — третья насыпь (50-60/до 6), погр. 2-4 — кат. к-ра, погр. 1, 5 — РЖВ

1-4 (12)	Элиста-1964, курган 8 (60-70/6,5, первая насыпь – ок 25/ до 1,5, вторая насыпь – 40-50/ до 3,5)	7 КРС		«по-видимому, был связан с условным погребением- кенотафом , расположенным ниже в насыпи кургана — погр. 7»	над погр. 7, примерно в центре насыпи	осн. погр. 13 (ямн. к-ра) — первая насыпь (ок 25/до 1,5), затем впушены погр. 9, 10 (ямн. к-ра), погр. 8 (ран. эт. кат. к-ры) — вторая насыпь (40-50/до 3,5), погр. 6 и 7 (кат. к-ра) — третья насыпь (60-70/6,5), погр. 1-5, 11, 12 — кат. к-ра,
1-5	Ергенин- ский-1981-85, курган 6, тризна № 3 (55,5-59,5/5,45)	1 КРС (череп и кости ног ориентированы на юг)		«видимо, с осн. погр. 2 (взр.) (предкавк. к-ра)»	в юго-западном секторе	осн. погр. 2 и погр. 3 и 5 — предкавк. к-ра, погр. 1 — РЖВ (позднесарм.), погр. 4 — не указ.
1-6	Ергенин- ский-1981-85, курган 11, тризна № 3 (77-83/5,3)	1 КРС		привязка к погребению не указана, но в кургане обнаружено одно погр. предкавк. к-ры (жен.)	в насыпи, в западной стенке первой восточной траншеи в 2 м к югу от центрального пикета	осн. погр. 1 (предкавк. к-ра)
1-7	Ергенин- ский-1981-85, курган 12 (26/0,6)	2 КРС (фрагменты череп, метаподий, фаланг и зубов)		привязка к погребению не указана, но в кургане обнаружено одно погр. предкавк. к-ры (взр.)	в насыпи, в юго- восточном секторе	осн. погр. 1 (предкавк. к-ра)
1-8	Кермен Толга 1968, курган 1, ЖК 3 (130/9)	1 КРС		привязка к погребению не указана	в северо-западном секторе	часть погребений отнесена к кат. к-ре, часть не датирована по причине их разрушения
Вторая группа. Жертвенники с костями животных и курильницами						
2-1 (1	Лола-1-1961, курган 12 (30/1,75)	2 КРС	глиняная курильница, бронзовое шило, 4 глиняных сосуда, бронзовый нож («копье» или «кинжал»), мелкие пастовые бусы	привязка к погребению не указана, сам жертвенник отнесен к кат. к-ре	в 1,4 м к западу от осн. погр. 6 (центр насыпи) на глубине 1,75 м от вершины насыпи, на древнем погребенном почвенном слое	осн. погр. 6 — ямн. к-ра, остальные 5 погр. — кат. к-ра

2-2 (3)	Лола-2-1963, курган 13 (24/1,3)	2 КРС	фрагмент («большой обломок») глиняной курильницы	был устроен выше древнего горизонта на 0,4 м, на южном краю входной ямы осн. погр. 4 (муж. пож.) (кат. к-ра)	в центре насыпи	осн. погр. 4 и остальные 3 погр. — различные этапы кат. к-ры
2-3 (4)	Лола-2-1963, курган 16 (25/1,55)	1 КРС	фрагмент («обломок») глиняной курильницы	был устроен на древнем горизонте, на западном краю осн. погр. 5 (муж. пож.) («гран. эт. кат. к-ры»)	в центре насыпи	осн. погр. 5 и выпуск погр. 4 — «ран. эт. кат. к-ры», погр. 2 и 3 — кат. к-ра, погр. 1 — средн.?
2-4 (5)	Лола-2-1963, курган 17 (22/1,35)	1 КРС	фрагмент («обломок») глиняной курильницы	был устроен на древнем горизонте, на западном краю осн. погр. 3 (разрушенное погр. в форме ямы)	в центре насыпи	осн. погр. 3 (разрушенное погр. в форме ямы), погр. 2 — кат. к-ра, погр. 1 — время поздних кочевников
2-5 (8)	Архара-1963, курган 30 (20/1,25)	2 КРС (череп и кости ног ориентированы на юг)	половина глиняной курильницы	рядом (восточнее) с осн. погр. 1 (кенотаф, кат. к-ра)	в центре насыпи	осн. погр. 1 (кенотаф, кат. к-ра)
2-6 (9)	Архара-1963, курган 31 (35/3,5)	5 КРС (череп и кости ног ориентированы на север)	половина глиняной курильницы (с западной стороны от костей КРС)	обнаружен в насыпи над осн. погр. 1 (жен и реб) (кат. к-ра)	в центре насыпи, на глубине 1 м от поверхности	осн. погр. 1 (кат. к-ра)
2-7 (11)	Элиста-1964, курган 5 (27/1,5)	2 КРС	половина глиняной курильницы	обнаружен на выкиде осн. погр. 9 (катакомбное мужское погребение с повозкой во входной яме и с разнообразным инвентарем) (кат. к-ра), к югу от края входной ямы	в центре насыпи	осн. погр. 9 и остальные выпуск. погр — кат. к-ра
2-8 (13)	Элиста-1964, курган 25 (20/1,35)	1 КРС (кости ног ориентированы копытами на восток, ориентировка череп не указана)	фрагмент («обломок») глиняной курильницы	«стратиграфические данные позволяют считать, что жертв. относится к выпуску погр. 3 » (жен.) (кат. к-ра)	в юго-восточном секторе ближе к центру на глубине 0,6 м от поверхности кургана	осн. погр. 4 и выпуск погр. 5 — ямн. к-ра, погр. 2 и 3 — кат. к-ра, погр. 1 — позд. эт. кат. к-ры

2-9	Ергенин-ский-1981-85, курган 6, тризна № 1 (55,5-59,5/5,45)	3-4 КРС (плохая сохранность) (череп и кости ног ориентированы на юг)	курильница	«видимо, связана с осн. погр. 2 (взр.) (предкавк. к-ра) (расположено ближе к нему)»	в юго-западном секторе	осн. погр. 2 и погр. 3 и 5 — предкавк. к-ра, погр. 1 — РЖВ (позднесарм.), погр. 4 — не указ.
2-10	Ергенин-ский-1981-85, курган 6, тризна № 2 (55,5-59,5/5,45)	не менее 10 КРС (череп и кости ног ориентированы на юг)	курильница	«судя по местоположению, следует увязывать с погр. 3 (муж.) (предкавк. к-ра)»	в насыпи, в юго-западном секторе	осн. погр. 2 и погр. 3 и 5 — предкавк. к-ра, погр. 1 — РЖВ (позднесарм.), погр. 4 — не указ.
2-11	Ергенин-ский-1981-85, курган 11, тризна № 1 (77-83/5,3)	1 КРС (верхний слой) + 6 КРС (нижний слой, череп и кости ног ориентированы на юг)	курильница (в нижнем слое)	привязка к погребению не указана, но в кургане обнаружено одно погр. предкавк. к-ры (жен.)	в насыпи, в западной стенке первой восточной траншеи, почти в центре кургана	осн. погр. 1 (предкавк. к-ра)
2-12	Ергенин-ский-1981-85, курган 11, тризна № 2 (77-83/5,3)	5 КРС	курильница	привязка к погребению не указана, но в кургане обнаружено одно погр. предкавк. к-ры (жен.)	в насыпи, в западной стенке первой восточной траншеи на расстоянии 5-6 м к югу от центрального пикета	осн. погр. 1 (предкавк. к-ра)
2-13	Кетченеры-1 2007, курган 1 (32-38/до 2)	2 КРС (череп ориентированы на юг, ноги — на ЮВ и ЮЗ)	фрагментированная курильница, к югу от скопления костей	был устроен на перекрытии осн. погр. 2 (кенотаф) (кат. к-ра), впоследствии провалившимся в погребение	в заполнении входной ямы осн. погр. 2 , в центре кургана	погр. 1 — XVI-XVII вв., осн. погр. 2 и погр. 3-5 — кат. к-ра

Сокращения: ЖК — жертвенный комплекс, КРС и МРС — крупный и мелкий рогатый скот, КХП — культурно-хронологическая принадлежность, ямн. — ямная, кат. — катакомбная, к-ра — культура, РЖВ — ранний железный век, средн. — средневековое, ран. эт. — ранний этап, осн. — основное, погр. — погребение, муж. — мужчина, жен. — женщина, взр. — взрослый, реб. — ребенок, пож. — пожилой.

Таблица 2. Размерные данные курганов [Table 2. Dimensions of the mounds]

Группа	№	Могильник, курган (в скобках кол-во погребений бр. века)	Номер жертвенного комплекса (табл. 1) (в скобках — привязка ЖК)	Глиняная курительница	Кол-во голов КРС	Диаметр кургана, м	Высота кургана, м
средние	1	Архара-1963, курган 30 (1)	2-5 (связан с осн. погр.)	половина глиняной курительницы	2	20	1,25
	2	Элиста-1964, курган 25 (5)	2-8 (связан с впуск. погр.)	фрагмент («обломок») глиняной курительницы	1	20	1,35
	3	Лола-2-1963, курган 17 (2)	2-4 (связан с осн. погр.)	фрагмент («обломок») глиняной курительницы	1	22	1,35
	4	Лола-2-1963, курган 13 (4)	2-2 (связан с осн. погр.)	фрагмент («большой обломок») глиняной курительницы	2	24	1,3
	5	Лола-2-1963, курган 16 (4)	2-3 (связан с осн. погр.)	фрагмент («обломок») глиняной курительницы	1	25	1,55
	6	Ергенинский-1981-85, курган 12 (1)	1-7		2	26	0,6
	7	Элиста-1964, курган 5 (9)	2-7 (связан с осн. погр.)	половина глиняной курительницы	2	27	1,5
	8	Лола-1-1961, курган 12 (6)	2-1	глиняная курительница	2	30	1,75
большие	9	Кетченеры-1 2007, курган 1 (4)	2-13 (связан с осн. погр.)	фрагментированная глиняная курительница	2	32-38	2
	10	Лола-2-1963, курган 8 (7)	1-1 (связан с осн. погр.)		3	35	3
	11	Архара-1963, курган 31 (1)	2-6 (связан с осн. погр.)	половина глиняной курительницы	5	35	3,5
	12	Архара-1962, курган 10 (5)	1-2 (связан с осн. погр.)		1	36	2,5

сверхбольшие	13	Элиста-1964, курган 8 (13)	1-4 (связан с досыпкой)		7	40-50 – досыпка – 60-70	3,5 – досыпка – 6,5
	14	Ергенинский-1981-85, курган 6 (3)	1-5 и 2-9 (связан с осн. погр. 2), 2-10 (связан с впуск. погр. 3)	две глиняные курильницы	1+3 или 4 + не менее 10 = не менее 14-15	55,5-59,5	5,45
	15	Ергенинский-1981-85, курган 11 (1)	1-6, 2-11, 2-12 (в кургане только одно погр.)	две глиняные курильницы	1+7+5=13	77-83	5,3
	16	Элиста-1964, курган 2 (6)	1-3		2	30...50-60	2...6
	17	Кермен Толга 1968, курган 1 (9)	1-8		1	130	9
группа вне расчетов							

Сокращения: погр. — погребение, осн. — основное, впуск. — впускное, кол-во — количество, бр. — бронзовый).

Таблица 3. Соотношение размерных данных кургана и количественных показателей
жертвенных комплексов (ЖК) Ергенинской возвышенности [Table 3. Correlations between mound dimensions and quantitative characteristics of sacrificial
complexes from the Ergeni Upland]

Группа	Кол-во курганов	Диаметр, м	Высота, м	Кол-во ЖК (первая/вторая группы)	Кол-во особей КРС	Среднее кол-во особей КРС в одном ЖК	Степень сохранности курильниц
средние	8	15-30	0,75-3	8 (1/7)	13	1,6	«обломки», «большой обломок» и половина курильницы
большие	4	30-45	1,5-3	4 (2/2)	11	2,75	фрагменты и половина курильницы
сверх- большие	3	> 45	> 2	7 (2/5)	> 34	> 4,8	целая курильница
все группы	15	20-130	0,6-9	19 (6/13)	> 58	> 3	

Таблица 4. Соотношение размерных данных кургана и количественных показателей жертвенных комплексов (ЖК) Кумо-Манычской впадины [Table 5. Ties between sacrificial complexes of the Ergeni Upland and certain burials within the mounds (citations of excavation authors put in quotation marks)]

Группа	Кол-во курганов	Диаметр, м	Высота, м	Кол-во ЖК	Кол-во особей КРС	Среднее кол-во особей КРС в одном ЖК	Степень сохранности курильниц
средние	2	15–30	0,75–3	2 (1/1)	4	2	целая курильница
большие	4	30–45	1,5–3	5 (2/3)	10	2	целая курильница
сверх-большие	6	> 45	> 2	9 (7/2)	> 21	> 2,3	половина и целая курильницы
все группы	12	20–130	0,6–9	16 (10/6)	> 35	> 2,1	

Таблица 5. Привязка жертвенных комплексов Ергенинской возвышенности к определенным погребениям внутри курганов (в кавычках — цитаты авторов раскопок)

Привязка жертвенного комплекса к погребению (в скобках указано количество голов КРС)	Пол, возраст погребенного/ных (подчеркнуто — погребенные пожилого возраста, в скобках — кол-во голов КРС)						ИТОГО
	взр.	муж. и жен.	муж.	жен.	жен. и реб.	кенотаф	
находилось над погребением					2–6 (5)		2
находилось на перекрытии		1–1 (3)				2–13 (2)	2
находилось на краю и «рядом» с погребением			1–2 (1) 2–2 (2), 2–3 (1), 2–7 (2)			2–5 (2)	5
в кургане обнаружено только одно погребение	1–7 (2)			1–6 (1), 2–11 (7), 2–12 (5) (все три в одном кургане)			4
«по-видимому...», «судя...»	1–5 (1), 2–9 (3–4)		2–10 (не менее 10)	2–8 (1)		1–4 (7)	5
не указана							1–3 (2), 1–8 (1), 2–1 (2)
ИТОГО	3 (6–7)	1 (3)	5 (16)	4 (14)	1 (5)	3 (9)	21